

Дмитрий АРЮПИН:

Мне нравится, когда зритель уходит с раздробленными костями

Москва, 1994-1995
март - апрель

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Об этом театре «Московская правда» уже писала, «Черное НЕБО белое» существует почти десять лет, но до сих пор о нем знают немногие. Его называют «самым страшным театром Москвы». Мы беседуем с руководителем «ЧНБ» Дмитрием Арюпиным «Доктором ДА - в узких кругах».

- Что означает столь странный неологизм «Черное НЕБО белое»?

- Это не более чем название театра, которое появилось само собой. Как знак - не как слово или комбинация слов. Оно не распадается отделимо ни на «черное», ни на «НЕБО», ни на «белое». Когда я впервые написал его, сразу понял, почувствовал, что театр должен называться именно так. Я просто узнал этот театр. Родившееся название тут же стало обрывать неким графическим материалом - не текстовым. Ведь вербально оно режет слух.

- Вы именуетесь «самым страшным театром Москвы». Это рекламный трюк?

- Словосочетание, конечно, выглядит рекламным, но наш театр вправду страшный.

- Вы закончили «физтех». Стали кандидатом математических наук. Уйдя в театр, вы открыли его новую формулу?

- Наука и театр абсолютно разные вещи. Быть может, в театре я непосредственно следую привычке нести ответственность за свою работу, как в науке. Ведь ученые гораздо более в ответе за содеянное, чем люди искусства.

- Науку сейчас совсем забросили?

- Уже лет пять профессионально ею не занимаюсь. Из науки ушел вместе со всей страной. В России науки просто не осталось.

- По привычке вы несете ответственность за создание спектаклей, театра, непохожих на другие. Традиционный театр, по вашему мнению, не отвечает за содеянное?

- Он мне совсем не интересен. Быть может, традиционный театр хорош где-нибудь в джунглях - не вложенный в социальные рамки, близкий к архетипам, мифам и проч. В нашем цивилизованном обществе театр ближе всего к женским романам. Он не настолько интересен. Выполняет социальный заказ. А мы не пытаемся соотносить себя с театральной общественностью, не подстраиваемся под нее. Мы внимательно слушаем самих себя и пытаемся передать то, что услышали.

- Вам не интересны наши знаменитые режиссеры?

- Совсем не интересны, как и традиционный театр вообще. Нравится как работает Владимир Клименко (он же Клим), по сценарию спектакли американского хореографа Мозеса Пендлтона. Мне очень неуютно в нашем театральном мире, где социальный заказ вытеснил все подлинно театральное. Там я не чувствую себя как дома. Не могу общаться с режиссерами. Мне не о чем с ними говорить, когда те рассуждают о престижности той или иной сцены и прочих чужих для меня материальных - нетеатральных. Наша театральная среда - тусовка, которая профессионалам не дает ничего. Я не получаю там ни малейшей поддержки, хотя, быть может, не туда хожу.

- Вас больше привлекает авангардный путь - очень скользящий. Авангард бесконечно упрямится на поверхностности, амбивальности, «деланности», в отсутствии общего «большого» стиля.

- Стиль - качество отрицательное. Для меня само слово ругательное. Оно подразумевает, требует

повторяемости. Если стиль менять настолько часто, насколько быстро меняется твоя внутренняя жизнь, то он не успеет стать стилем. Это уже жизнь. И именно она настолько меня будоражит своей подлинностью, что тут уже не до стиля.

- В вашем театре всего два актера. Они - профессионалы?

- Профессионализм определяется только игрой. И это главное. Актерской школы нет и не может существовать: Марчелла Солтан - выпускница эстрадно-циркового училища. Там ее научили танцевать степ. Это единственное, чему ее научили. Андрей Ивашев пришел и вовсе из милиции. Одно время даже совмещал театр с охраной правопорядка. Для меня не важно, где актеры работали. Хотя в морге или в банке. Важно, чтобы они были открыты. Только в этом случае я могу ими манипулировать. Способность открыться, внимательно слушать самого себя и режиссера как раз и характеризует профессионализм актера. Но я не ставлю спектакли как традиционные режиссеры. Я их будто бы выращиваю и лишь чуть-чуть направляю актеров. Хотя наши спектакли совсем не импровизационные - жестко завязанные на свет, музыку.

- Вы ставите актера и зрителя в тяжелые условия - лишаете привычной драматургии, сюжета, слова, танца, режиссуры. Что же остается?

- Самое ценное, единственное, что есть ценного. Человек должен решать сложные задачи. Только в этом настоящая жизнь.

- Зритель привык ходить в театр за удовольствием, чтобы отвлечься, забыться или задуматься. Что вы даете зрителю?

- Однозначно, не развлечение. Забыться на наших спектаклях тоже весьма сложно. Задуматься можно только апостерорум. Во время действия зритель только чувствует. Он ничем не связан. Работает его сенсорика. Он видит только свою собственную историю. Как свое собственное отражение, которого он не видел прежде. Наш театр - вариант абсолютного воплощения абсолютного зеркала. В видимой дисгармонии, уродстве простирает гармонию реальной, настоящей жизни. Гармоничной, поскольку она существует. Как на полотнах Брейгеля, Босха. Шекспир устами Ромео сказал, что и ненависть мучительна, и нежность. Наш театр мучителен. Развлекать у нас нельзя. Всякое человеческое чувство мучительно по природе своей. Так устроен человек. Именно это мучительное чувственное и отражается в нашем зеркале в первую очередь. Первый эффект спектаклей - сенсорный, чувственный.

- Вы общаетесь со зрителем?

- Я не собирал аудиторию. Не ищу отклика. Зритель более всего нужен актерам. Он их питает. Когда люди подходят сами и высказываются, я прислушиваюсь к ним. Категорически «нравится» - «нравится» для меня не существует. Ведь зеркало

только отражает. Близкие мне люди говорят, будто им все кости раздробило во время спектакля. Мне приятно этот отклик.

- Вы не боитесь вторгаться в подсознание зрителя?

- В театре никто с ума не сходит. Особенно в наше время. Мы не выполняем социальный заказ, понимая, что это для нас губительно. Есть театры, встроившиеся в социум - нужные как общественный транспорт. Мне это не близко, но если бы не было тех же автобусов, я бы страдал. Для зрителя посещение традиционного театра как необходимый ритуал. Наш театр ближе по функции к медицине. Каждого зрителя мы обслуживаем, как врачи, индивидуально.

- К врачам ходят по необходимости и без особого удовольствия...

- Думаю, в нас тоже есть необходимость. Сейчас мир очень сильно изменился. Театр сегодня может играть свою изначальную роль как в те времена, когда он только рождался. Встраивая человека в незнакомый, чужой мир, формировать его мировоззрение. Множество привычных понятий нуждаются в пересмотре. Изменилась их смысловая наполненность. Если этого не учитывать, могут быть большие неприятности.

- О нашем театре почти никто не знает даже в Москве, но говорят, что вас пригласили на международный фестиваль в Польшу...

- Действительно, в конце мая мы едем в город Торунь. Это подарок судьбы. Директор фестиваля отыскал нас совсем случайно. Не смог посмотреть спектакль «Живым», но записал на видеокассете его заинтересовала, и он вопреки фестивальному требованию пригласил нас в Польшу. От бывшего СССР будем играть вместе с Редзо Габриэлем и Эймантасом Някрошюсом. Алока каждую пятницу выступаем в Москве на сцене Центрального Дома журналиста.

Беседовали
Елена ЕЛЕНСКАЯ,
Антон МАШИН.

P.S. 16 и 17 мая на сцене ЦДЖ «Черное НЕБО белое» представляет свой новый спектакль «Косвенное доказательство жизни на Земле» с участием Марчеллы Солтаны... пяти кукол. Зрителю будет нелегко определить, где трагичное создание, а где живой человек. В спектакле использована необычная музыка Александра Копейкина.

На снимках: Д. Арюпин; сцена из спектакля «Игрушки Бертрама».